
ВСТРЕЧИ ОВ.ТУМАНЯНА С ВОЕНАЧАЛЬНИКАМИ
РУССКОЙ АРМИИ
(Ноябрь – декабрь 1914 г.)

СУСАННА ОВАНЕСЯН

Ованес Туманян был одним из наиболее влиятельных армянских национальных деятелей первых десятилетий XX столетия. Поэт по природе своей был очень активной натурой и никогда не удовлетворялся ролью слушателя и очевидца. Как общественный деятель он занимал уникальное место среди других выдающихся представителей нашей культуры, поскольку всегда был в самой гуще, в эпицентре событий, там, где решались судьбоносные для армянского народа вопросы.

В июле 1914 г.¹, когда началась Первая мировая война, Туманян находился с семьей на отдыхе в Дзагвере. Прервав отдых, он незамедлительно вернулся в Тифлис, чтобы принять участие в работе Армянского национального бюро и оказывать посильную помощь в создавшейся обстановке. 1 августа 1914 г. писатель обращается к уездному начальнику Лори и Борчалу Василию Гаврилову и, отбросив в сторону воспоминания и обиды по поводу многолетних незаслуженных политических преследований за миротворческую деятельность во время армяно-татарских столкновений 1905–1906 гг., вновь предлагает свою помощь. «Прошу учитывать, что я готов прийти к Вам, на мою родину, и помогать чем смогу»².

В сентябре–октябре 1914 г. в армянских политических кругах было принято решение командировать Туманяна в Россию для ведения переговоров по Армянскому вопросу в официальных кругах, а также для встречи с императором Николаем II.

29–30 октября 1914 г. Турция объявила джихад странам Антанты, в ответ Россия 2 ноября объявила войну Турции. До этого Турция 16 октября напала на Феодосию, турецкие корабли зашли в Севастополь, и фактически к тому времени война между Турцией и Россией уже нача-

¹Здесь и далее даты приводятся по старому стилю, поскольку до 1918 г. в России действовал григорианский календарь.

²Հոկտեմբերի 1-ին Մանուկ Գևորգյանի լիազմանքով ժողովածու (далее – ԵԼԺ), հ. 10, Երևան, 1999, էջ 588:

лась. Тем самым было положено, по определению Туманяна, начало «общенационального бедствия» для всего армянства.

В первые дни ноября 1914 г. Туманян побывал в Баку, куда он отправился с целью оказания поддержки добровольческому движению и организации сбора пожертвований. Его воодушевленное выступление сыграло свою роль в отправке 5 ноября из Баку на фронт большой группы армянских добровольцев.

Оказывая содействие созданию добровольческих отрядов, русское правительство вместе с тем препятствовало их деятельности, беспокоясь по поводу возможного требования автономии со стороны армян. Конечно, беспокойство это не было беспричинным и необоснованным. По свидетельству будущего маршала Ованеса Баграмяна, созданные шесть добровольческих отрядов и седьмое запасное воинское подразделение вошли в состав русской армии «с целью освобождения Западной Армении»³. С одной стороны, из уст царского наместника звучали многочисленные обещания, с другой стороны, в российских официальных кругах распространялись клеветнические измышления и сплетни о самоотверженно сражавшихся за родину повстанцах. То есть делалось все, чтобы дискредитировать армянских добровольцев и армянское население. Распространялись ложные слухи, что армяне якобы плохо сражаются, нехорошо обращаются с турецким и курдским населением, грабят его, не подчиняются русскому командованию, что, притворяясь ранеными, они позорно обращаются в бегство, что приграничные армянские села укрывают их и т.д. В их глазах армянские воины были «сепаратистами», «автономистами».

Необходимость выяснения отношения русских генералов к армянским добровольцам вынудила руководство Армянского национального бюро и католикоса Геворга V сформировать по выбору председателя Бюро Месропа Тер-Мовсисяна группу из видных армянских духовных лиц, представителей интеллигенции и отправить ее на фронт. В состав группы вошли М. Тер-Мовсисян, Ов. Туманян, Ширванзаде, епископ Хорен Мурадбекян (впоследствии католикос), инспектор Нерсисянской гимназии Овсеп Хунунц, Смбат Хачатрян (впоследствии мэром Еревана), священник Никогойос Бавоян (Тер Никол). Самсон Арутюнян (юрист, общественной деятель, председатель Национального бюро) предоставил Туманяну для этой поездки свое пальто.

Группа выехала из Тифлиса 15 ноября и вернулась 15 декабря. Предполагалось проехать через Игдир и Карс в район Баязета, в долину Алашкерта, Басен, Делибаба, Хорасан, Зивин, Сарикамыш, Александропо-

³И.Х.Баграмян. Мои воспоминания. Ереван, 1979, с. 21.

поль. Целью поездки было побывать в тех местах, где сражались армянские добровольцы, лично удостовериться, что на самом деле происходит на фронте. Именно во время этой поездки Туманян, встретившись и пообщавшись с некоторыми русскими офицерами и генералами, впервые узнает о вопиющих фактах несправедливого, предвзятого отношения высокопоставленных русских военных к армянам.

В Игдире офицер запаса, прапорщик Аршо Шахатуни сообщает, что генерал Петр Огановский готов в любое время принять членов делегации. 18 ноября с 10 часов утра Туманян дважды встречается и беседует с командиром корпуса, генерал-лейтенантом русской армии Огановским. Первая беседа проходит в присутствии генерал-лейтенанта Владимира Ляхова, который на протяжении всего разговора хранит молчание. Ляхов в годы Первой мировой войны был главным генералом штаба Первой армии, а в 1917 г. – командиром Первого Кавказского корпуса. Он был убит в Батуме не установленными лицами. Туманян писал о нем в своих дневниках: «Ляхов – известный по Тегерану Ляхов. Он армяноненавистник и не скрывает этого»⁴. Это был первый случай, когда Туманян использовал определение «армяноненавистник» применительно к русскому генералу, и ему предстояло в последующие годы довольно часто повторять его, характеризуя других высокопоставленных военных чинов русской армии. Хотя Ляхов и молчал на протяжении всей беседы, однако у него было такое выражение лица, которое со всей очевидностью выдавало его высокомерное отношение. Туманян заметил, что адъютант Огановского Азол (Озол) положительно относился к армянам, а «Ляхова совершенно не любил». По утверждению Туманяна, «епископ Месроп вел беседу с большим тактом». 48-летний Огановский внешне принял армянскую делегацию довольно «любезно». Он сразу же поручил Шахатуни сопроводить группу в качестве телохранителя до Арцапа. Огановский отдавал явное предпочтение храбрости и боевым качествам русских солдат, когда же разговор касался армянских добровольцев, он проявлял определенную дипломатичность. Подчеркивая некоторые их достоинства и преимущества, он при этом не опровергал распространяемые лживые слухи, давая тем самым понять, что они соответствуют действительности. По его утверждению, русская сторона предоставила в распоряжение армянских повстанцев Игдира «400 винтовок Мосина, 500 берданок», причем последние были выданы для бесплатной раздачи с целью самозащиты, а некоторые из армянских добровольцев якобы «продавали их в окрестностях Сурмалу по десять рублей за штуку». По этой причине было сделано замечание начальнику

⁴ Հ ն Վ հ. Թ ո ՚ Մ ի յ յ յ ն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 351:

армянского штаба в Игдире Сааку и начато расследование для выявления хозяев берданок. Огановский признавал важное значение армянских повстанческих групп, то, что они хорошо знали местность и язык населения, благодаря чему приносили пользу русским войскам, однако в присутствии Ляхова выражается по возможности сдержанно⁵. Огановский высоко оценивал роль генерала Андраника, его мужество и опыт и именно с ним связывал надежды на взятие Вана. Однако даже сдержанная оценка, даваемая Огановским армянским повстанцам, вызывает нескрываемое недовольство и возмущение его коллеги Ляхова.

Вторая встреча с генералом Огановским происходит в тот же день в Игдире, когда Огановский вместе со своим адъютантом Бекдабековым навещает армянскую делегацию. На этот раз генерал пытается выглядеть более доверительно; желая подчеркнуть свою объективность и непредвзятость, он упоминает о своем армянском происхождении, говоря: «Я искренне симпатизирую армянам... Знаете, в моей крови также есть немного “Карапета”»⁶. Он снова заверяет, что относится к армянам с большой симпатией и выражает желание, чтобы проблемы «турецко-подданных армянских братьев» были окончательно решены. Вечером Туманян посещает бараки армянских добровольцев, где встречается с сотней армянских повстанцев, которым предстояло соединиться с отрядами бойцов, сражавшихся на передовой линии фронта. Среди них были как опытные воины, принимавшие участие в русско-японской войне, так и «безусые, безбородые студенты», ремесленники и рабочие. Был среди них и известный в свое время русский оперный певец Волгин⁷, который разъяснил членам делегации, что приехал сражаться за свободу маленького многострадального армянского народа. Была на встрече и студентка, сестра милосердия Сатеник Погосян, которая через несколько дней у Сарикамышы вместе с составом санитарного поезда попадет в руки турок и чудом спасется – после нескольких дней отчаянной борьбы.

19 ноября по дороге в Оргов, куда делегация отправилась на девяти лошадях, Туманян встречается с верблюжьими караванами, везущими военное продовольствие. Чтобы избежать соседства с караванами, один из проводников меняет маршрут, и группа оказывается в заболоченной местности. Туманян, Ширванзаде и Хунунц были вынуждены слезть с лошадей и провести их через топь. Вместе с делегацией в трясине оказы-

⁵ «Հիթեկի», Թիֆլիս, 1915, էջ 10:

⁶ Там же.

⁷ Волгин – псевдоним Сергея Собинова (1876–1927), родного брата известного оперного певца Леонида Собинова (1872–1934).

вается также целый верблюжий караван. Можно только предположить, каким невероятным страданиям подвергся часто болевший, легко простужавшийся поэт за те три с половиной часа, проведенные в холоде и сырости, пока им, наконец, удалось выбраться из трясины и взобраться на вершину Оргова. Это был крайний пограничный пункт, удерживаемый русскими военными. Там они встречаются с Шахатуни и десятью русскими бойцами, которые выражают удивление, что армянской делегации удалось пройти через болота без потерь. Туманян и другие члены комиссии оказываются очевидцами ареста одного местного армянина, который с использованием полученного для самозащиты оружия собирался везти на продажу рыбу из Игдира в Баязет. Разъяренный командир грозился доложить об этом генералу – с тем, чтобы «армян разружили»⁸.

Переходя горный перевал Чингиля (Каркар) в условиях снежной бури, по обе стороны дороги делегация видит погибших лошадей и волов, а также караваны верблюдов. Шагая по оставленным на снегу верблюдьим следам, группа находит то самое место, где впервые произошло вооруженное столкновение между русскими и турками.

В полдень делегация добирается до турецкой таможенной станции Кара, которую русские переименовали в Каре. Покидая станцию, турки успели разграбить казну и привести в негодность водоканал. Станция к тому времени служила временным пристанищем для раненых и больных воинов, которых переносили с поля боя без носилок. Туманян посещает служившее «госпиталем» полуразрушенное строение с земляным полом и замшелыми сырыми стенами. Писатель отмечает, что «вокруг ближайших курдских поселений обработанных земель нет. Вспахка и засев оставлены армянским крестьянам»⁹. Ничто не ускользает от его внимания: ни стаи куропаток, ни жалкие, превратившиеся в руины курдские поселения, в которых остались только заготовленные на зиму дрова, ни развалины дворца Ахмада-аги, ни разруха и грязь вокруг. А по наблюдению Ширванзаде, «грешно называть эти берлоги человеческим жилищем. Это, скорее, серые кучки навороченных камней, которые издали производят впечатление кладбища»¹⁰. Туманян вместе с другими членами группы сходит с лошади и заходит в какое-то низенькое, полуразрушенное строение, где их встречают удивленные русские офицеры и врач-еврей. Дорога в Арцап проходила мимо курдского села, близ которого произошло второе сражение русских воинских частей с турецкой

⁸ Շիրվանզադեի պատմությունը, հ. 9, Երևան, 1961, էջ 111:

⁹ Հոգևորականության պատմություն, հ. 8, էջ 355:

¹⁰ Շիրվանզադեի պատմությունը. Արցախի պատերազմը, հ. 115.

регулярной армией, состоявшей из гамидовских солдат и 1500 аскеров. Потерпев сокрушительное поражение, турки в течение нескольких часов отступили из этого места в район Диадина, а курды, успев разграбить Арцап, скрылись в горах. Преодолев за шесть с половиной часов расстояние в 32 версты, снова попав в болотистую местность, армянская делегация во второй половине 20 ноября добирается до Арцапа, где в сознании поэта запечатлевается построенная на возвышенности древняя церковь со своим большим изогнутым куполом, а также исходящий из села дым.

Арцап стал первым западноармянским селом, куда ступила нога Туманяна. Он увидел крепость, окруженную полуразрушенными стенами, разрушенную церковь Св. Григора, а также Цахкаванк, который процветал вплоть до конца XIX века. Женщины и дети вышли из домов, чтобы встретить незнакомых гостей. В селе не было школы, всюду царила нищета. Каждый дом имел от тридцати до девяноста наделов земли. Узнав о продвижении русского войска, арцапцы поначалу обрадовались, поскольку в их селе находились 1500 турецких солдат. Застигнутые врасплох турки-гамидовцы успели перед бегством разграбить армянскую церковь и несколько армянских домов, увели с собой восемьдесят голов крупного рогатого скота, а также многое из того, что попадалось на глаза по дороге. Турки захватили в плен 90 армянских воинов, 82-м из которых удалось бежать. Русские почти всем арцапцам раздали ружья, однако жители села остались недовольны. Причины были вполне понятны: русские солдаты проживали в домах армян, в которых комнаты были «маленькие, тесные и бедные»¹¹. Солдаты бесплатно использовали все запасы дров, а древесины в селе не было, дрова приходилось привозить из Игдира. Столь же быстро расходовались другие виды топлива, в том числе коровяк, а также корма для скотины – высушенная трава, сено. И если бы не поступило помощи извне, то «народ натерпелся бы из-за холода, а скотина вся погибла бы».¹²

Однако жители были недовольны не столько усугублявшимся из-за русских военных бедственным положением, что в те роковые дни стало для них обычным явлением, сколько причинением беспокойства их женщинам. «В каждом доме живут солдаты, вместе с семьей, – пишет поэт. – Жалуются, что трогают женщин. И керосина нет, бывает темно»¹³. Но в глазах поэта женщины выглядели достаточно смелыми. О посягательствах на честь армянских женщин со стороны русских солдат

¹¹ Հոն զհ. Թոն լւսն իշնն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 355:

¹² Там же.

¹³ Там же.

свидетельствует в беседе с Туманяном житель армянского села Горганан, которого прозвали Орманом – в честь католикоса Магакии Орманяна. «Рассказывает, что солдаты, действительно, приходя ночью, заходят замерзшие и залезают к ним в постель, но это частные случаи»¹⁴. Примечательно, что об этих случаях свидетельствовал армянин, который пользовался доверием и уважением среди русских.

Во время путешествия самое угнетающее впечатление производили рассказы очевидцев об изнасилованиях армянских женщин. В дневнике Туманяна читаем: «Изнасилования женщин повсюду, без разбора – курдиянок, турчанок и армянок, совершались в ужасающих размерах – отступая, насиловали гамидовцы, затем казаки, до сих пор, потом все без исключения погромщики. Хачатур говорит: своими глазами видел, жены известных людей в Мосуне просто лежали и не могли встать, настолько их насиловали, подряд, по меньшей мере, 40 человек; в Диадине были слышны вопли женщин. А в домах армян солдаты и казаки спят вместе с хозяевами. И все деревни переполнены»¹⁵.

Армянской группе в Арцапе было предоставлено большое помещение с земляным полом, глиняными стенами, овальным деревянным потолком, железной печкой. Изможденным от дороги, от холода и вьюги членам комиссии эта комната показалась залом, «царской гостиной», тем более, когда им подали чай в маленьких чашечках для вина. Пришел старый приходский дьякон и стал рассказывать о грабежах и бесчинствах, которые чинили вначале турки, затем курды. Безоружные молодые армяне были вынуждены скрываться в горах. К счастью, погромщики не убили женщин и детей. Затем пришли русские. Армяне открыли свои закрома и ничего не жалели для них, хотя к этому времени у них не было ни пшеницы, ни овса и сена, не говоря уже о топливе.

Грабежи со стороны русских происходили как напрямую, так и в форме вымогательства. Они конфисковывали продовольствие и выплачивали мизерную часть его стоимости. Туманян пишет о следующем приказе командира размещенных в Караклисе и Тагличае полках Волжской и Тверской казаческой армии полковника Тускана и его помощника Цугулуева: «Брать овес в виде реквизиции за 30 и сено за 15 (цена овса была 70, а сена – 30). И таким образом грабят. Это стало обычным делом»¹⁶. Были также случаи, когда русские грабили и во избежание наказания сваливали свою вину на армян. Так, например, русский офицер Свирин рассказывал Туманяну: «Казаки отобрали 40 овец и передали их

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 377.

¹⁶ Հոգի հ. Թոն և Միշի ինչի. ԵԼԺ, հ. 10, էջ 218:

какому-то армянину – дескать, отведи в село, а там передашь нам, будто бы это наше. Дело было раскрыто, более 100 солдат возмущаются против офицера. Тем не менее 8 обвиняемых отправляют в Караклис – в полевой суд»¹⁷. Можно только предположить, какого сурового наказания удостоились ни в чем не повинные армянские крестьяне в караклисском полевом суде, где всеми делами заправлял известный армянофоб генерал

Д. Абациев¹⁸.

В Арцапе местным жителям-армянам удалось обезоружить курдов. «Турецкоподданные армяне преимущественно проявили большую храбрость при разоружении курдов, в том числе и в Арцапе»¹⁹. Однако вскоре Туманян узнает, что от русского командования «последовал приказ разоружить всех, как армян, так и курдов»²⁰.

Утром 20 ноября члены комиссии идут в церковь Арцапа, где собралось армянское население села. В Арцапе все дома через стены сообщались друг с другом, с целью предупреждения о возникшей опасности. «Можно с одного конца села войти в первый попавшийся дом и выйти в другом конце, не видя улиц»²¹. Курды разграбили церковь полностью, унесли кресты и хоругви, все настольные украшения, книги и полки, унесли даже вмонтированные в стены деревянные предметы, то есть все, что могло гореть. «Это старая церковь, – пишет Туманян. – Народ пришел. Жалкий, съжившийся. Дьякон-беженец. Епископы Месроп и Хорен прочитали молебн. Первое, что бросилось в глаза, была могила, могила убитого семью выстрелами отца Ормана. Говорил епископ Месроп. Сказал, что это лишения временные, пройдут и т.д. Говорили из народа – о топливе, о скотине, о еде... И впервые был прочитан имперский молебен в древней армянской церкви Арцапа и были прочитаны соответствующие молитвы»²².

¹⁷ Հ ն լ հ. Թ ն լ ս շ ն յ յ ն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 367:

¹⁸ Речь идет о Дмитрие Константиновиче Абациеве (Дзамболат Абадиев, Абацев)(1857–1936). Осетин по национальности, мусульманин по вероисповеданию, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., трижды награждался солдатским Георгиевским крестом. Получив в 1912 г. звание генерал-лейтенанта, в тот же день был назначен командиром Второй Кавказской казачьей дивизии. За взятие ночным штурмом Битлиса в 1916 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В годы Первой мировой войны сражался в районах Сарикамыш, Алашкерта. После советизации России воевал в рядах белогвардейцев против большевиков, впоследствии бежал в Югославию.

¹⁹ Հ ն լ հ. Թ ն լ ս շ ն յ յ ն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 385:

²⁰ Там же, с. 358.

²¹ Շ ի ռ լ շ ն յ զ շ ղ հ. Մ կ ա Յ . ռ ա Յ ., ս . 121.

²² Հ ն լ հ. Թ ն լ ս շ ն յ յ ն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 356:

Утром комиссия отправляется из Арцапа в окруженный огромными скалами и кажущийся неприступным Баязет. По дороге повсюду можно было видеть трупы павших от холода, голода и усталости лошадей, верблюдов и ослов и сгрудившихся на них ворон и других стервятников-падальщиков, а также части разбитых экипажей.²³ Поле сражения было настолько близко, что при входе в Баязет со стороны Мосуна была слышна канонада и разрывы артиллерийских снарядов. Одна из двух крепостей находилась в самом конце города, другая – вне города, среди скал. Между тем из неприступного Баязета турки по военным соображениям бежали, не сделав ни единого выстрела. По утверждению Туманяна, турки и курды унесли и спрятали часть своего имущества и бежали сами – с тем, чтобы вскоре вернуться и учинить расправу над армянами, однако начавшаяся уже на следующий день страшная буря и метель помешала им реализовать свои намерения и, таким образом, город в течение трех дней оставался в руках у армян. Некоторые турки оставили свои ружья на хранение армянам, а некоторые вообще спрятались в армянских домах.

У самого города армянскую делегацию встретила группа всадников, которыми руководил дьякон. Местное население встретило пришедших хлебом и солью, хотя и настороженно. Сразу же многочисленной толпой все направляются в полуразрушенную и разграбленную церковь города, где звучат утешительные слова епископа Месропа. Туманян свидетельствует также о террористических планах турецких военных. Когда турецкая армия оказалась вынуждена отступить, вместе с ней бежало также турецкое население. Однако перед уходом турки разграбили имущество армян; они намеревались также подвергнуть резне все население города численностью 3700 человек, но успели убить только четырех. Турки собирались также арестовать и «задушить» 51-го известного представителя армянской интеллигенции. «У них была большая программа террора, – пишет Туманян. – 51 человек убить в Баязете, а отступая стереть Арцап и Мосун»²⁴. Однако осуществить свою очередную кровавую программу туркам не удалось по двум причинам. Во-первых, армяне поставили об этом в известность курдского руководителя Мамед-бега, который, по определению армян, был «редкостным» вождем, и, во-вторых, к тому времени подоспела весть о том, что русские войска вплотную подошли к окраинам Баязета.

²³ Там же, с. 360.

²⁴ Там же, с. 357.

В Баязете Туманян узнает сразу несколько жутких известий – одно страшнее другого. В частности, о том, что турки вырезали все население армянского села Хачан, в котором насчитывалось более шестисот домов.

Туманяна навещает корреспондент газеты «Мшак», начальник полиции Баязета Абгар Тер-Абрамян. Он от имени кавказских армян просит организовать прием у уроженца Еревана, всегда служившего среди армян генерала-губернатора Дрягина (Баядина)²⁵. Беседа проходит сначала в кабинете губернатора, затем в гостиной, за обеденным столом. На встрече присутствовал также бывший российский консул Акимович, являвшийся к тому времени секретарем генерала. Он разъяснил, что часто происходят досадные недоразумения из-за незнания русского языка со стороны западноармянского населения, и предложил предоставить армянам переводчика. Туманян с горечью отмечает, что кроме влиятельных курдских деятелей, например, Бако, русских настраивают против армян также грузинские служащие. «Против армян настроены грузинские служащие, и вообще много заявлений с тяжкими обвинениями пошли высокому руководству»²⁶. Без какой-либо серьезной причины могли быть брошены в тюрьму те люди, которые протягивали армянам руку помощи. Туманян рассказывает: «Какой-то мельник, который является порядочным человеком, помогал армянам, обвиняется в том, что он якобы имел умысел убить русского офицера и свалить вину на курдов – арестован»²⁷.

Дрягин замечает, что армяне притесняют курдов. Когда ему возражают и говорят, что все обстоит наоборот, что угнетенными являются именно армяне, он отвечает: «До сих пор – да, но теперь армяне стали притеснять курдов»²⁸. Хотя с лица губернатора не сходит улыбка, он озвучивает угрозу: «После этого в этой стране будет действовать закон, а не насилие»²⁹. Можно только предположить, каким было недоумение и разочарование поэта при таком откровенном выражении намерения наказать невиновных армян. И сколько бы генерал не обещал: «Во всяком случае можете верить, что я ваших многострадальных соотечественников не оставлю без защиты»³⁰, и как бы он ни улыбался, настроение писателя не могло от этого измениться и озабоченность не могла умень-

²⁵ Речь идет о генерал-лейтенанте русской армии с 1911 г., генерал-губернаторе Михаиле Николаевиче Дрягине (1852 –?), участнике русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

²⁶ Հ ն լ հ. Թ ն լ ս շ ն յ ի ն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 357:

²⁷ Там же.

²⁸ Շ ի ը լ շ ն զ շ ղ է. Մ կ ա Յ . ը ա թ ., ս . 129.

²⁹ Там же, с. 130.

³⁰ «Զ ի թ է ն ի», էջ 37:

шиться. В эти же самые дни был получен приказ о разоружении как курдов, так и армян. Однако Дрягин успокаивал членов комиссии, убеждая, что приказ относится только к курдам, которые весной становятся угрозой для всех.

Епископ Месроп в свою очередь поднял беспокоивший русских вопрос об автономии армян, отметив, что об этом говорили русские власти и давали обещания, а сами армяне такого требования не выдвигали. Комиссия попыталась также выяснить причины обыска домов армян и изъятия у них оружия со стороны русских. Объяснение было более чем нелепым. Генерал-губернатор ответил, что якобы турки и курды при бегстве отдали свое оружие на хранение армянам – с тем, чтобы по возвращении получить обратно, и поэтому у армян конфискуется вражеское оружие. Естественно, комиссия не могла поверить словам Дрягина, поскольку, как отмечает поэт, армян все-таки разоружали русские. Он записывает: «В районе Баязета оружие у армян не отбирают, но в Караклисе собирают»³¹.

Утром 22 ноября Туманян встречается с курдским полковником Маммад беком Амар ага оглы. Он вместе с 800-ми курдских всадников и со всем своим родом сдался русским властям. Дом Маммад бека в селе Мирзаджан обыскивают – это было связано, вероятно, с теми распространившимися слухами, что он и его жена на протяжении продолжительного периода времени перевозили оружие для дашнаков³².

В тот же день совершается церковный молебен в церкви Баязета в присутствии русских войск, генерала-губернатора Дрягина и его помощника. После выхода из церкви местные юноши сопровождают Туманяна и его спутников в одну из крепостей, находившуюся на восточной окраине города и переоборудованную в казарму. Туманян встречается с несколькими турками, которые не только не бежали, но и пришли выразить свое дружественное отношение к армянам. Хозяин дома с уважением представляет писателю известного помещика и члена суда Исмаила эфенди Налбанд Заде, который являлся членом комитета самообороны армян и спас многих от верной гибели.

Среди армянских ополченцев выделялись две группы. Первую составляли сформированные на Кавказе добровольческие отряды, которые сражались вместе с русскими войсками и имели в своем распоряжении ружья-мосины, а вторую группу – отряды самообороны, сформированные из местных жителей и вооруженные берданками. Именно последние осуществляли дело возврата расхищенного имущества своих

³¹ Հոգի. Թոն և սիւնի շնչով. ԵԼՏ, հ. 8, էջ 365:

³² Там же, с. 362.

родных. Возможно, они забирали также оставленные врагами пожитки в качестве трофеев, руководствуясь чувством мести и стремлением восстановить справедливость.

Туманян свидетельствует, что когда армянам удавалось вернуть назад свое похищенное имущество, и русские, и грузинские военнослужащие представляли письменные жалобы властям о «грабежах» армян. Поэт пишет: «Курды ограбили армян до прихода русских. Прошел месяц, теперь, когда армяне идут и возвращают свое имущество, эти люди приходят и жалуются, что армяне нас ограбили. А армяне не придают этому особого значения, тогда как этим создается настрой»³³.

Писатель, вполне возможно, не верил в тенденциозность русских, но он, тем не менее, считал, что об этом следует говорить во всеуслышание и поставить в известность как Национальное бюро, так и русские власти. «"Автономия" чрезвычайно раздражает правительственных чиновников, – отмечает поэт, – и часто с иронией спрашивают: Ну как, скоро у вас будет свой царь, да? Военный командующий свидетельствует, что армяне, бойцы сражаются подобно львам и очень храбрые, а курды – стадо баранов»³⁴. Что же касается грабежей, то в таких военных условиях, когда отступает то одна сторона, то другая, грабежи и вымогательство были обычным явлением. Грабежами и мародерством занимались не только турки и курды, но и сами русские, причем довольно открыто. В записях Туманяна встречаем также следующие факты: русские забрали из дома старосты села Мейрамана Татоса Сафояна продовольствия на несколько сотен рублей, отдав ему только 18 рублей. В Баязете взяли у Ованеса Крмояна овса на 300 р., а отдали только 60 р. и при этом еще и избили хозяина дома. У крестьян забрали 12 000 пудов сена совершенно бесплатно. Истина была настолько очевидна, что даже русские властители признавали, что русские солдаты и офицеры чинят, мягко говоря, «беспорядки», имея в виду их проживание за счет крестьян и причинение беспокойства их женщинам, однако при этом заверяли, что не имеют никаких возможностей призвать распоясавшихся солдат к порядку³⁵.

Перед отправлением армянской комиссии из Баязета в Диадин русские перековали лошадей. Генерал-губернатор Дрягин, имея в виду возможные опасности, доводит число сопровождающих группу солдат до двадцати пяти. В трудной дороге, несмотря на наличие телохранителей, Туманян ни на минуту не расставался со своим тяжелым маузером. Епископ Хорен и Смбат Хачатрян также были вооружены. Фактичес-

³³ Там же, с. 357.

³⁴ Там же, с. 358.

³⁵ Там же.

ки вся группа, кроме Ширванзаде, была вооружена, а самое тяжелое и «самое ужасное» оружие было в руках Туманяна.

В окрестностях Диадина снова встречаются павшие лошади, верблюды, волы, различные части сломанных повозок, а также трупы турок и курдов, погибших в сражении 22 октября и остававшиеся незахороненными почти месяц. Была слышна канонада и артиллерийские залпы. В Кызыл-Дизе группа встречает сотенные отряды русских, которые распевали песни, возвращаясь после расправы с курдами окрестностей Мосуна, до основания уничтожив семь курдских сел. Причиной карательной операции послужило то, что курды убили двух русских солдат.

По дороге, ведущей из Диадина в Тагличай и Неркин Суфле, группа встречает 30–40 арабов и турецких пленных в лохмотьях. Перед своим отступлением они разграбили церковь Св. Ованеса в селе Учкилиса, сожгли все книги, а церковь превратили в конюшню. Местное население, вернувшись, оказало русскому подразделению прохладный прием, и это очень удивило и возмутило какого-то офицера-грузина. Жители пояснили: «Мы вспомнили о предыдущих отступлениях и о том, что случилось с нашим селом из-за этого»³⁶.

В селе Зиро, населенном армянами и курдами, группа посещает армянскую церковь, которая трижды подвергалась грабежам и в которой осталось только изображение Богоматери с маленьким Иисусом на руках. Здесь Туманян узнает, что даже русские принимали участие в разграблении церкви и совершенно не считались с армянскими святынями. Поэту рассказывают и о случае в Караклисе, когда русские солдаты, обнаружив во время обыска в одном из армянских домов две серебряные чаши для причастия, переданные на хранение католической церковью, реквизировали их и впоследствии выменяли «на четыре хлеба»³⁷. Католический служитель церкви был страшно удручен и опечален потерей этих чаш и без конца сетовал жаловался по этому поводу. Члены комиссии выкупили эти чаши за 12 рублей и вернули католической церкви³⁸.

Туманян имел также беседу с генерал-губернатором Ардагана, и тот подтвердил факты грабежей армянского мирного населения со стороны русских, объясняя это тем, что русская армия не была в достаточной степени обеспечена продовольствием и даже военными запасами. Жители села Хази были недовольны отношением русских и говорили: «Мы находимся на развилке дорог, у всех под ногами. Что-то разграбили,

³⁶ Там же, с. 366.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, с. 387.

что-то потребовали – мы отдали. Больше у нас ничего нет. Все время требуют, а мы и языка-то не знаем, чтобы понимать, нас избивают»³⁹.

В селе Зиро члены группы слышали историю о похищенной 18-летней армянской девушке по имени Гюзал и о ее возвращении родителям русскими солдатами.⁴⁰ После Зиро следуют села Йонджалу, Еринджа.

Наконец, поздно вечером они добираются до Караклиса, большого центрального населенного пункта, в котором в это время находился штаб русского военного подразделения. В Караклисе крестьяне натерпелись не только от бесчинств турецких янычар и гамидовцев, но и от грабежей, произвола со стороны русских солдат и офицеров, которые чинились при попустительстве и подстрекательстве генерала Абациева. Туманян пишет: «Русские казаки разграбили и разорили полностью 250 магазинов. Теперь в 50-и остается войско»⁴¹. В этом районе население было настолько настроено против русских, что сравнивало их с турками и даже особенно подчеркивало гуманные действия отдельных турок. Начальник отряда повстанцев (хмбает) Хачатур заверял Туманяна, что «турки при отступлении защищали имущество и жизнь армян, даже оружием»⁴².

Далее комиссия намеревалась пройти из Караклиса в Дутах, чтобы встретиться с армянскими повстанцами, а оттуда отправиться в Басен. Абациев решительно противится, утверждая, что без официального перемирия не может позволить армянской группе перейти границу фронта. Члены группы продолжают настаивать на своем решении, говоря, что именно для присутствия на военных сражениях они предприняли свое опасное путешествие и оказались там, что они не боятся попасть в плен. Однако генерал был настроен решительно. Все понимали, что он просто не хотел, чтобы комиссия встретила с армянскими добровольцами. Абациев также запретил группе пройти в Даяр (Дахар), который находился всего лишь в двух днях пути. Абациев с нескрываемой иронией и высокомерием отзывался об армянских добровольцах, обвинял местное армянское население в том, что оно занимается одни только грабежами, и требовал, чтобы комиссия вернулась по той же самой дороге, по которой пришла, и добиралась до Сарикамышы через Игдир. На встрече присутствовал также генерал главного штаба Е. Лебе-

³⁹ Там же, с. 370.

⁴⁰ Շ ի ր լ շ ի զ շ ի և. Указ. раб., с. 149.

⁴¹ Հ ն լ հ. Թ ն լ ս շ ի յ ի. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 371:

⁴² Там же.

динский⁴³, который во всем соглашался с Абациевым и просто повторял все его слова.

Туманян почти дословно приводит все, что сказал во время встречи преисполненный злобы и ненависти по отношению к армянам генерал Абациев: «Армяне заняты грабежами и ограбили все дома курдов и турок... Мы заставляем расстреливать курдов и турок за грабежи, но никого из армян при этом до сих пор не наказали, рука не поднимается, чтобы распорядиться о расстреле, и у нас есть приказ, чтобы армян опекать особо и давать им оружие»⁴⁴. Генерал откровенно лгал, утверждая, что русские разоружают только курдов и турок, «а армянам мы даем оружие, и не было ни единого случая разоружения армян»⁴⁵. Комиссия уже убедилась в том, что больше всех армян разоружали именно в Караклисе. Абациев клеветал также на армянских добровольцев, утверждая, что они якобы «также занимаются грабежами»⁴⁶. Когда же члены комиссии приводят очевидные примеры грабежей со стороны курдов, генерал возражает: мол, армяне «разграбили у несчастных курдов все имущество и увели всех лошадей»⁴⁷. Абациев даже не пытается скрывать свою антипатию по отношению к армянским повстанцам, которая была обусловлена их очевидными успехами и многочисленными примерами беззаветной храбрости и героизма в сражениях. Армянские повстанцы неоднократно доставали для русской армии продовольствие из армянских и курдских сел, а генерал представлял это как расхищение и не скрывал свое нежелание видеть армянских ополченцев на поле боя. Создавалось впечатление, что мусульманин Абациев вовсе не хотел сражаться против армии турок-мусульман. Поэт записал также следующее клеветническое заявление Абациева об армянских добровольцах: «Идя следом за нами, начали брать из турецких и курдских сел сено, еду и прочее для своих нужд, и это очень вредит нашему престижу... Сложилось впечатление, что все это делается с нашего ведома. Вот поэтому я и предложил им: если хотите, идите впереди нас, а следовать за нами, в нашем тылу, мы не поз-

⁴³ Речь идет о генерал-майоре Евгении Васильевиче Лебединском (1873–?). Происходил из дворян Орловской губернии. Образование получил в тифлисской кадетской гимназии. В 1909 г. был назначен начальником штаба Второй Кавказской казачьей дивизии, в октябре 1916 г. – командиром 6-й специальной пехотной бригады, а с декабря 1917 г. по май 1918 г. являлся командующим Кавказским фронтом.

⁴⁴ Հոսի հ. Թոնիսիւնիւնի. ԵԼՏ, հ. 8, էջ 372–373:

⁴⁵ Там же, с. 373.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

волим подобных вещей. И даже сказал им: если вы собираетесь продолжать в таком же духе, то лучше пусть вообще вас не будет»⁴⁸.

В Караклисе покровительством Абациева пользовались руководитель курдского племени Селим паша, который якобы «сдался» русским, а двое его сыновей – Саид и Расул – продолжали при этом воевать против русской армии. Он «породнился» с русскими только потому, что исход войны все еще был неясен. О Селиме паше говорили, что он ежедневно передает туркам секретную информацию о каждом шаге русской армии.

Селим паша встретился с Туманяном и другими членами комиссии и с помощью переводчиков Абациева – юного Хачатура, торговца по имени Мигран и Акоба аги – с азиатской лживостью разглагольствовал о дружбе народов, о братстве Евангелия и Корана, о любви и мире.

На самом же деле главной целью прихода курдского паши к членам комиссии было желание уговорить влиятельных армян, чтобы они, используя свой авторитет, заставили местных соотечественников вернуть ему его скотину. Он был одним из тех, кто грабил и разорял армянские села, и армяне всего лишь вернули свое имущество. В рамках влияния и давления, оказываемого Абациевым, армяне столь часто обвинялись в организации грабежей и наказывались, что многие из армян-заимодавцев боялись получать свои долги в виде натуральных продуктов, что в те годы было общепринятой нормой взаиморасчетов.

Абациев своими измышлениями и инсинуациями больше всех остальных беспокоил Армена Гаро, заменившего в это время Дро на посту командира Второго добровольческого отряда, требуя, чтобы тот предпринял меры против повсеместных грабежей. Гаро 20 ноября издал приказ и запретил местному населению заниматься грабежом. Но он при этом не имел в виду армян, поскольку в качестве командира армянского добровольческого отряда он никогда не мог относиться с доверием к какому-либо слову Абациева. Об этом свидетельствует Туманян, ссылаясь на письмо Гаро: «Генерал Абациев заверял нас, что наш отряд находится не на передовых позициях, а следует за авангардным войском. В своем письме от 20-го числа Гаро утверждает обратное и заверяет, что *генерал Абациев имеет предвзятое отношение и ведет прокурдскую политику* (курсив наш – С. О.)»⁴⁹.

Согласно наблюдениям поэта, во многих селах русские защищали курдов намного больше, чем армян. Речь шла в первую очередь о воинских подразделениях Абациева. Одного разговора с генералом оказалось вполне достаточно, чтобы Туманян пришел к выводу, что он является

⁴⁸ Там же, с. 374.

⁴⁹ Там же, с. 375.

убежденным армяноненавистником, который кроме притеснения армян и клеветнических обвинений и инсинуаций в их адрес, всячески старался приласкать курдов и убедить их в том, что русские войска сражаются ради них, хотя при этом ему так и не удалось завоевать их доверие. Туманян отметил, что главный генерал воинского подразделения Еревана в своих действиях руководствовался исключительно указаниями курдов, тогда как «те же самые курды объединились и разбили русских. Абадиев многих курдов снабжал записками, что будет руководить ими. После сражения казаки обыскивали карманы, доставали из карманов убитых и раненых курдов такие записки. *Абадиев – армяноненавистник (курсив наш – С. О.)*».⁵⁰

Туманян не переставал удивляться, что генерал, имевший мусульманское происхождение, в этой войне командует главными войсками русской армии, что, по мнению поэта, не исходило также из интересов России. Об Абадиеве поэт знал и был наслышан еще в Игдире, до прихода в Караклис, однако личная встреча с генералом и общение с ним еще раз убедили его в предвзятом отношении Абадиева к армянам и переполнили чашу терпения писателя.

Как бы велико ни было разочарование от всякого рода абадиевых, Туманян, в силу своего жизненного принципа видеть во всем хорошее, отмечал также примеры доброжелательного отношения русских войск к армянам. Он записывает рассказы Хачатура Ереванци о внимательном и чутком обращении русских с армянами в окрестностях Мосуна, в самые первые дни и недели войны. В некоторых местностях русские солдаты в большей степени чувствовали необходимость поддержки армянского населения, просили, чтобы они сопровождали их в турецкие и курдские села, старались покупать продовольствие у армянских крестьян, а не вымогать или грабить. «Овца продавалась за 30–40 копеек. В Мосун пришла одна бедная женщина, сказала, мол, моего мужа турки забрали в армию, у меня маленькие дети, дайте мне одну овечку – не дали. Офицер приказал дать пять овец, дали – увела»⁵¹.

25 ноября по дороге от одного сторожевого пункта к другому провожатый рассказывал о различных способах ограбления армян со стороны русских. Туманян пишет: «Говорит, казаки собрали 500 овец, ограбили, продали, в тот же день отобрали снова, продали другим, и так с утра до вечера несколько раз продавали, снова отбирали и продавали»⁵².

⁵⁰ Там же, с. 350–351.

⁵¹ Там же, с. 377.

⁵² Там же, с. 375.

Перед отъездом из Караклиса 27 ноября было получено письмо от главного полковника штаба Лебединского, согласно которому дорога в Делибаба была опасна и намечалась атака врага на Сарикамыш. Фактически за 14 дней до нападения Абадиеву было известно об этой информации, между тем он либо по беспечности, либо нарочно не поставил в известность военное руководство Сарикамыша.

В районе, где находились войска Абадиева, армян не вооружали, а, напротив, разоружали. Более того, даже противнику было известно, что в лице Абадиева у них есть надежный союзник против армян. Туманян пишет: «Крестьяне Хачлу, в минувший день застигнутые и разграбленные курдами, рассказывают, что курды-гамидовцы нам сказали, что вот, мол, у нас есть бумага от Селима паши, что он получил право от караклисского генерала (Абадиева), чтобы нас, армян, убивать и разорять наши села»⁵³.

28 ноября в четыре часа пополудни армянская комиссия прибыла в Алашкерт. Хозяин приютившего их дома турок Аджи Ибрагим Фейгулла оглы во время нападения курдов спрятал в своем доме одиннадцать армянских семей и тем самым спас их от гибели. Свои услуги комиссии предлагает какой-то курдский юноша по имени Низамаддин, которого родители, спасаясь бегством, оставили на попечение армян. В Алашкерте поэт беседует с одним из русских офицеров. Туманян отмечает: «Здесь командир казаков, довольно симпатичный человек, безоговорочно признавал важность наших добровольцев, в особенности из-за их знания страны, языковых обычаев и знакомства с расположением сел и домов. Мы, говорит, совершенно не знакомы со всем этим»⁵⁴. Туманян, описывая маленькую церквушку одного из армянских католических сел, в которой все еще оставались остатки сожженных икон, рассказывал о тех армянских крестьянах, которые обращались за помощью к армянской комиссии, чтобы вернуть хотя бы часть своего имущества, отобранного у них русскими. «Некоторые из ограбленных, — пишет поэт, — дом которых был разграблен до основания, просили о ходатайстве перед грабителями, чтобы им вернули одно одеяло или мешок муки, чтобы жить»⁵⁵.

29 ноября члены группы, направляясь из Алашкерта в сторону села Хастур (Хазмир), заблудились, и чуть было не стали жертвами обстрела русских солдат. Из Хастура группа отправилась в село Зеткан, до кото-

⁵³ Там же, с. 379–380.

⁵⁴ Там же, с. 378.

⁵⁵ Там же, с. 379.

рого добралась к пяти часам вечера 29 ноября. Жители села бежали, однако во время продвижения русской армии часть населения вернулась.

Зеткан находился в долине, со всех сторон окруженной невысокими холмами, и был очень легкой мишенью для противника. Вслед за курдами в село вступили русские, которые, в свою очередь, еще больше углубили бедственное положение населения. Туманян свидетельствует: «Русские все берут и ни за что не платят. И забрали большое количество муки, коровяка и сена. Около 2000 повозок, каждая повозка по 80 пудов. Некоторые научили своих детей говорить «Ей богу нет» и только это и знают, как только увидят казака, говорят «Ей богу нет»»⁵⁶. Крестьяне вообще не имели представления о стоимости рубля, и обманывать их было очень легко; а когда они понимали, что три рубля не составляют даже 40 куршей, оказывалось уже слишком поздно. В этом селе не спешили воодушевляться по поводу побед русской армии. Так, крестьянин Погос Мурадян спрашивал: «Русские уже два раза занимали нашу страну и оставляли, уходили. Снова должны оставить?»⁵⁷. В это время многие не верили, что предчувствие старого крестьянина станет реальностью, и гости, члены армянской комиссии, призывали своих соотечественников набраться терпения и быть более оптимистичными. Старик доверился знатным и авторитетным представителям комиссии и пообещал, что «в таком случае мы забудем обо всех наших бедствиях».⁵⁸

30 ноября армянская комиссия получает два письма от Абациева, в которых сообщается, что село Даяр (Дахар) оказалось в руках у курдов и что туда можно идти только в сопровождении солдат. Одновременно предлагалось подождать соответствующего транспорта или вернуться в Караклис. Группа остается в Зеткане еще один день. На следующий день она пытается отправиться в направлении села Башкей (Дели-Кеой), однако выясняется, что оно осаждено курдами, так же, как и селения Дахар и Хачлу. Принимается решение вернуться по горным дорогам Мосуна к пограничной территории и через Сарикамыш пройти к фронту. Через неделю после того, как армянская комиссия покинула Зеткан, русские войска получают приказ покинуть долину Алашкерта. Устрашенное армянское население оставляет свои дома и уходит вместе с русской армией. Находящиеся в глубине Алашкерта села Зеткан и Молла-Сулейман оказываются не в состоянии присоединиться к потоку беженцев и полностью истребляются курдами. Спустя считанные дни все девяносто армянских семейств Зеткана, каждое из которых состояло в

⁵⁶ Там же, с. 381.

⁵⁷ Շ ի ր շ ի ն զ շ ղ է. Մ կ ա Յ . ը ա Յ ., ս . 170.

⁵⁸ Там же.

среднем из тридцати членов, прекратили свое существование. «Остаются только руины села и, кто знает, возможно, воюющие на них собаки».⁵⁹ Когда русская армия после очередного своего отступления снова возвращается в Молла-Сулейман и Зеткан, то видит там страшные картины резни. Очевидец последствий этих погромов сообщает: «Не смог вынести горечи сцены и ушел».⁶⁰

В селе Молла-Сулейман картина была ужасающей. «В первый день наши казаки собрали на окровавленных улицах трупы семнадцати стариков, девятнадцати женщин и двадцати пяти детей, – рассказывает очевидец. – И в каком состоянии, Бог мой! Обезображенные, поруганные, оскверненные. Здесь головы, там ноги и руки. Здесь груди женщин, там их тела. У стариков выколоты глаза. Ручонки детей изрублены, видимо, чтобы оторвать от подолов матерей. И нужно видеть, как плакали наши казаки, вытирая слезы своими рукавами. Люди, чувства которых были закалены в крови и огне, смягчились, словно дети...»⁶¹. То же самое произошло и в Зеткане.

Отойдя на несколько верст от Зеткана, члены группы встречаются с Арменом Гаро и его бойцами, с которыми проводят около двух часов. Наконец, комиссия получает ответы на волновавшие ее вопросы непосредственно от армянских повстанцев. Согласно заверениям Армена Гаро, среди армянских добровольцев есть такие, которые сражаются хорошо, но есть среди них и неопытные, но все они – и западноармянские и восточноармянские добровольцы – сражаются вместе дружно, согласованно и беззаветно.

1 декабря кроме известия об отступлении русских в Дахаре, члены комиссии узнают от командования села Хастур о том, что дороги в горах Хачлу стали особенно опасными. Их уверяют, что даже отряд из ста сопровождающих солдат не может гарантировать безопасность группы при продвижении по дороге в Башкей.

В тот же день группавозвращается в Караклис. Здесь Туманян беседует с Ованесом Потикяном, который сообщает писателю огорчившую его весть о разоружении армян со стороны русского военного командования и приводит конкретные примеры этого. Так, согласно Потикяну, 20 дней назад «казаки вошли, произвели обыск, изъяли три пистолета, три ружья, а также золотые, серебряные украшения из сундуков. Пришел командир, стал угрожать пистолетом, но не смог ничего вер-

⁵⁹ Там же, с. 166.

⁶⁰ Там же, с. 174.

⁶¹ Там же.

нуть»⁶². Армен Гаро в свою очередь свидетельствовал о случаях дезертирства русских солдат, о том, что некоторые из них избегают сражений и только тем и занимаются, что отлынивают от службы. Туманян пишет: «Армен Гаро говорит – русские солдаты сражаются для видимости и избегают опасностей, как бы между прочим отстают и остаются в траншеях на короточках, якобы стараются выбраться, и остаются в этом положении»⁶³. Армен Гаро жаловался Туманяну, что Абадиев посылает его отряд не сражаться, а нести сторожевую службу. «Мы вынуждены выполнять караульную службу, к которой мы не имеем отношения. Во вторых, он посылает нас в места, которые совершенно отрезаны от них – в Дерекор и Тунцин... о чем знает генерал Савицкий⁶⁴. Теперь нас хотят разделить на две части и послать на зимовку в Комар и Бирюск. А мы хотим вернуться в долину Алашкерта – организовать и очистить тыл»⁶⁵. Комиссия обещает вступить и передать письмо генералу Огановскому⁶⁶.

Дорога в Башкей была не безопасна, поэтому группа 2 декабря в 4 часа пополудни делает остановку в селе Тагличай. Было больно видеть, что в условиях войны ни для одной из сторон нет ничего святого. Разница заключалась только в размерах и в степени варварства, изуверства. Так, русские солдаты превратили турецкую мечеть в конюшню для своих лошадей. По заверению Туманяна, в этих же местах «турки и курды, конечно, еще хуже обошлись с армянскими церквями – не только завели туда лошадей, но и разграбили, сожгли и целились ружьями в глаза Христа».⁶⁷

Вечером 3 декабря группа добирается до армянонаселенного села Мосун, которое разделило участь многих других армянских поселений: убийства, грабежи, изнасилования. Члены комиссии ночуют в селе, и здесь так же, как и всюду, им приходится выслушивать скорбные стенания и жалобы, относящиеся также к русским, которые и здесь «ничего не платят за все то, что забирают»⁶⁸. Но, видимо, даже этого им показалось недостаточно, и русское военное начальство распространило циркулярное письмо, которое предписывало «не делать никаких различий между армянами, турками и курдами...»⁶⁹.

⁶² Հ ն լ հ. Թ ն լ ս շ ն յ շ ն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 382:

⁶³ Там же.

⁶⁴ Генерал И.В. Савицкий был командиром 66-й пехотной дивизии.

⁶⁵ Հ ն լ հ. Թ ն լ ս շ ն յ շ ն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 383:

⁶⁶ Там же, с. 384.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, с. 385.

⁶⁹ Там же.

На следующий день, рано утром группа выезжает из села и отправляется в Оргов, Игдир. В Игдире члены комиссии снова встречаются с Огановским и узнают от него, что получено распоряжение о представлении объективного рапорта о грабежах и хищениях. Помощник генерал-губернатора Дрягина Федор Подгурский⁷⁰ свидетельствовал, что в краях Ардагана «казаки грабят не только села армян, но и молуканские села»⁷¹. Огановский в свою очередь рассказал один эпизод, когда из беседы покупателей похищенных товаров выяснилось, что грабителями были не армяне, а русские. Одним из утешительных известий, услышанных от Огановского, было то, что общее командование Кавказского фронта приняло решение не верить курдам, арестовать зачинщиков, вытребовать у них оружие и лошадей⁷². Кроме этого, был отдан приказ о предоставлении 500 ружей-берданок армянам Алашкертского фронта для самозащиты. Огановский признается в том, что русские солдаты занимались грабежами и предпринимали другие неправомерные действия в отношении армян. Сперва армян грабили турецкие солдаты-гамидовцы, затем, когда с приходом русских армяне идут, чтобы получить свое расхищенное имущество обратно, русские войска выступают в качестве посредников и начинают сами заниматься продажей разграбленного имущества армян. Особенно тяжело приходилось армянским селам, находившимся вблизи проезжих дорог. Русские войска не только грабили их, но и разоружали. Из слов Огановского становится ясно, что «даже то, что делали русские войска, приписывалось армянам»⁷³. Генерал делал попытки оправдываться, говоря, что в смутной, хаотической ситуации трудно утверждать со всей определенностью, кто является в действительности убийцами и грабителями. Он предложил довести численность армянской добровольческой армии до 10 000 и привезти для них оружие из Японии.

Положение действительно было смутным и хаотичным, однако чинимые русскими войсками грабежи носили настолько повсеместный характер, что не замечать этого было попросту невозможно, так что было самоочевидно, что обвинение в грабежах армян в этот момент исходило из беспокойства по поводу усиления армян, а также из колониальной политики царизма.

Армянам, проживавшим на линии Алашкертского фронта, поначалу раздали 500 ружей-берданок, затем часть этого оружия изъяли – на том

⁷⁰ Речь идет о генерал-лейтенанте Федоре Александровиче Подгорском (Подгуров), 1860–1929.

⁷¹ Հոգն լի թո՛ղիս ինչիս ն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 383:

⁷² Там же, с. 386.

⁷³ Там же.

основании, что оружие это якобы используется для грабежей. А в районах Баязета и Диадина общая численность оружия достигала 70 000. Тем не менее политика, проводимая в отношении армян в Игдире, была значительно более доброжелательной, чем, скажем, в Караклисе. Здесь, безусловно, свою важную роль, ко всему прочему, сыграло различие подходов генералов Огановского и Абациева.

5 декабря вконец разочарованные, измученные от бесконечных душевных и нравственных страданий члены комиссии возвращаются в Эчмиадзин. Два дня спустя они едут в Ереван, а оттуда – в Александрополь, с тем, чтобы оттуда отправиться в Сарикамыш – на передовые позиции боевых действий.

9 декабря католикос Геворг V проезжал в поезде через Александрополь, и группа, воспользовавшись этой возможностью, на станции Калтахчи встретила с ним. Патриарх возвращался из Тифлиса, обнадеженный российским императором Николаем II, с которым встретился там в период с 26 по 29 ноября. В это время русские власти старались угождать армянам, чтобы привлечь их на свою сторону и тем самым обеспечить победу русской армии на фронте. Следовательно, все измышления, инсинуации и сплетни об армянских добровольцах уже не были актуальны, им просто не придавали никакого значения. А это означало, что важнейшая цель поездки армянской комиссии на фронт также потеряла свою актуальность.

Однако, как это видно из письма Туманяна от 10 декабря Пилипосу Вартазаряну, писатель вовсе не обнадеживался, разочарования и угнетающие впечатления от встреч с русскими генералами и высокопоставленными чиновниками значительно преобладали. О своем беспокойстве, связанном с обозримым будущим армянского народа, он пишет: «Невозможно передать в письме все увиденное и услышанное, поэтому я и считал лишним писать до сих пор и сейчас делаю почти то же самое – хотя и пишу письмо. Вообще все мои впечатления очень печальны, и мы очень легко можем столкнуться с катастрофическими событиями, настолько шатко наше положение»⁷⁴. Уже 10 декабря он узнал, что неприятель завладел сразу несколькими городами и селениями, которые совсем недавно, всего лишь 19 ноября, были освобождены армянскими добровольческими отрядами. Несмотря на то что ситуация изменилась самым радикальным образом, Туманян не отказывается от мысли поехать на линию фронта. Члены группы берут с собой предоставленные местным и Тифлисским Национальным бюро полмиллиона папирос, 100 пудов сахара, 3-4 пуда чая для раздачи войскам. По дороге они

⁷⁴ Հ ն զ հ. Թ ռ լ ս շ ն յ յ ն. ԵԼԺ, հ. 10, էջ 220:

встречают прибывших из Румынии армянских добровольцев численностью 400 человек.

11 декабря группа добирается до Сарикамышы и вынужденно остается там на ночлег. Местный священник рассказывает о начавшемся в полночь массовом бегстве из села Кепри, в связи с отступлением русских войск. По дороге русские помогали женщинам и детям, давали им своих лошадей, верхнюю одежду, многих кормили, заботились о детях, пока найдутся их родители. В Сарикамыше сосредоточились восемь тысяч армянских беженцев, отсюда им предстояло рассеяться по окрестным селениям. Туманян навещает их и становится очевидцем энергичной деятельности общества «Нпастаматуйц», оказывавшего беженцам необходимую посильную помощь и поддержку. В это время поэту становится известно, что бывший начальник местного гарнизона К.Солоненко⁷⁵ отвечал на недовольство армян карательными мерами и действиями. Туманян свидетельствует: «В Тифлис отосланы для ссылки, якобы в качестве государственных преступников, Карапет Малхасян, Петрос Минасян, Карапет Шамцян, Александр Тиратурян, Амаяк Хачатрян (под контролем Тер Тачата); предполагают, что к этому приложил руку бывший гарнизонный начальник Солоненко»⁷⁶. Как можно увидеть из записок поэта, в этот период времени русских военачальников против армянских бойцов настраивали также некоторые грузины. «В армии недовольны только армянами из запаса, в особенности шорагьяльцами. Разносчиками сплетен были преимущественно грузины»⁷⁷. В этом контексте становится более очевидным и участие грузин в деле представления армян сепаратистами. Писатель снова встречается с «генералом-армяноненавистником», по его определению, Е. Трамбицким⁷⁸, который действовал против армян в сотрудничестве с руководителем эвакуационного пункта грузином Апреванадзе. Туманян пишет: «Начальник местного гарнизона генерал Трамбицкий – ужасный армяноненавистник и без зазрения совести распространяет всякие нехорошие сведения и настроения. И главным образом с начальником Эвакуационного пункта Апреванадзе. Грузины и евреи (врач Шамал называет армян Сарикамышы автономистами). Столкновение Бабаджаняна с Трамбицким»⁷⁹. Командиром бакинско-го полка был грузин Нижарадзе, который также в каждой военной

⁷⁵ Константин Степанович Солоненко (1852–?) был военным инженером, генерал-майором. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., в 1912 г. был демобилизован и снова призван в армию в начале Первой мировой войны.

⁷⁶ Հ ն լ հ. Թ ն լ ս շ ն յ շ ն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 389:

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Генерал-лейтенант Евгений Георгиевич Трамбицкий (1859–1931).

⁷⁹ Հ ն լ հ. Թ ն լ ս շ ն յ շ ն. ԵԼԺ, հ. 8, էջ 389:

неудаче старался обвинить армян. Туманян пишет: «Бакинский полк бежал. Наибольшую часть этого полка составляют армяне. Начальником полка является грузин – Нижарадзе, армяноненавистник. Чтобы оправдать себя, обвинил армян. Хотя при этом он выступал против расстрела нескольких армян и т.д.»⁸⁰.

12 декабря в пять часов утра, когда поэт и его товарищи по комиссии еще лежали в своих постелях, раздается сигнал о наступлении турецких войск. В этот день началось знаменательное сражение при Сарикамыше. На следующий день из Бардуса приходят армянские ополченцы из отряда Керы (Дяди) и сообщают, что турки находятся на расстоянии восьми верст и рассказывают о постигшей их неудаче. В народе уже началась паника. И снова, вот уже который раз, русские генералы не разрешают, чтобы члены комиссии встретились с армянскими добровольцами. Фактически комиссия оказывается вынуждена вернуться в Тифлис ранее намеченного срока – 13 или 14 декабря. Во время отступлений русской армии ее командование проявляло «доброжелательность» к армянам, поскольку значительно возросло значение их беззаветной, бесстрашной борьбы. В такие моменты русские военачальники не имели никакого желания говорить о «грабежах» со стороны армянских добровольцев.

Ов. Туманян вернулся в Тифлис, не сумев побывать на передовой линии фронта и лично побеседовать с армянскими ополченцами, однако он встретился с некоторыми русскими генералами и их двуличным, лицемерным отношением к армянскому населению и армянским добровольцам; еще чаще он встречался с проводимыми русскими военачальниками и чиновниками антиармянскими действиями, многочисленными фактами грабежей со стороны русских войск, столкнулся воочию с трагедией разоренных армянских городов и сел и многим другим. Дочь писателя Нвард в своих воспоминаниях пишет, что Туманян вернулся из поездки «в угнетенном настроении, с ужасающими впечатлениями, о трагическом положении народа рассказывал со страшными подробностями»⁸¹.

Эта поездка оказалась переломной в смысле его отношения к России. Разочарование было поистине огромным. Он своими глазами увидел войну, осуществлявшийся совместными усилиями турецких и курдских изуверов геноцид армянского народа, к которому оказались причастны-

⁸⁰ Там же, с. 390.

⁸¹ Ն. Թումանյանի և Նուշերի և գրույցներ, Երևան, 2009, էջ 117: Մ. ա. կ. յ. Ե. Չիրվանգաղեի հրապարակախոսական ժամանակագրությունը (1914–1919 թթ.), Երևան, 2006, էջ 29–72:

ми и некоторые русские генералы, которые в качестве носителей реальной геополитики царской России своими действиями и стратегией способствовали замышлявшимся и уже реализуемым страшным преступлениям против всего армянства.

Это был далеко не первый случай, когда Туманян сталкивался с последствиями колониальной политики России. Будучи одним из 149-и невинных обвиняемых по так называемому «Дашнакскому делу», он на протяжении четырех-пяти лет находился под жестким контролем царского охранного отделения, трижды арестовывался. Вконец измотанный и обессиленный из-за длительной тюремной жизни, он на себе сполна испытал всю тяжесть ударов российской карательной машины, но при всем при этом так и не изменил своей прорусской ориентации. На этот раз увиденное было еще более ужасным, нежели продолжавшиеся годами политические преследования, гонения и притеснения лучшей части армянской интеллигенции. Если до первого посещения фронта поэт писал одну статью за другой, выражая в них свою надежду и веру в скорое освобождение западноармянских соотечественников с помощью России и воодушевляя армянских солдат, то после возвращения с фронта он на какое-то время умолкает, замыкается в себе. Великий гуманист и оптимист был на время выбит из колеи и совершенно растерян, он оказался вынужден выбирать меньшее из зол. Несколько месяцев потребовалось Туманяну, чтобы найти в себе силы, чтобы снова заговорить и снова внушать надежду, поскольку рядом с Абациевым он видел также Озола, рядом с дезертирами и грабителями видел солдат, протягивавших армянам руку помощи, сочувствовавших «безбрежному морю армянского горя», долгими днями заботившихся об армянских детях, потерявших своих родителей. Туманян не только был поэтом, но и национальным деятелем, всем своим обликом, литературной и общественно-патриотической деятельностью олицетворявшим жизнестойкость и жизнелюбие армянского народа. Именно по этой причине, вернувшись в Тифлис, Туманян, как в поэтическом творчестве, так и в публицистических выступлениях, направил все свои старания на то, чтобы способствовать воскрешению надежды и веры в будущее.

ՀՈՎՀ. ԹՈՒՄԱՆՅԱՆԻ ՀԱՆԴԻՊՈՒՄՆԵՐԸ ՌՈՒՍ

ԶՈՐԱՎԱՐՆԵՐԻ ՀԵՏ

(Նոյեմբեր – դեկտեմբեր 1914 թ.)

ՍՈՒՍԱՆՆԱ ՀՈՎՀԱՆՆԻՍՅԱՆ

Ա ս փ ն փ ն լ ւ փ

Առաջին աշխարհամարտի առաջին ութ ամիսների ընթացքում Հովհ. Թումանյանը երկու անգամ շրջագայեց Արևմտյան Հայաստանով, եղավ Բայազետի, Ալաշկերտի շրջաններում, Արծափում, Բասենում, Դիադիկում, Ջեթկանում, Ղարաքիլիսայում, Թաղիչայում, Վանում, Մոսունում, Մարիդամիշում և այլուր՝ պարզելու ռուս զինվորական հրամանատարության վերաբերմունքը հայ կամավորական խմբերի ու հայ բնակչության նկատմամբ: 1914 թ. նոյեմբեր 15-ից դեկտեմբերի 13-ի ուղևորության ընթացքում ռուս զենեակներ Պ. Օգանովսկու, Վ. Լյախովի, Մ. Դրյագինի (Բայադին), Եվ. Տրամբիցկու, Ֆ. Պոդգուրովի հետ հանդիպումների արդյունքում բանաստեղծը ականատես եղավ ռուս ռազմական վերնախավի անարդարացի վարմունքի բազմաթիվ փաստերի: Նա ծանոթացավ Վոլգյան, Տվերյան կազակների զորքերի հրամանատար գնդապետ Տուսկանի և նրա օգնական Յուզուկուկի՝ ռուսական զորքի թախանք արձանագրող զեկուցագրի, Կ. Սոլոնենկոյի՝ հայերի դեմ իրականացրած պատժիչ գործողություններին: Արձանագրեց զենեակ Դ. Աբացիևի հակահայ վերաբերմունքի, քրդերի հետ համագործակցության, հայերին զինաթափելու և քրդերին զինելու բազմաթիվ փաստեր: Միաժամանակ ականատես եղավ զենեակ Օգանովսկու դրական վերաբերմունքին հայերի նկատմամբ:

Թումանյանը մեծ հիասթափություն ապրեց, համոզվեց, որ քաղաքակիրթ կոչված պետություններն առաջնորդվում են միմիայն իրենց շահերով: Ռուսասեր ու միշտ ռուսական կողմնորոշում ունեցող բանաստեղծը պայծառ հոգիներին բնորոշ լավատեսությամբ ուղևորությունից հետո հատրճահարեց շիտքմունքը, շարունակեց կատարել իր պատմական առաքելությունը. ամեն գնով սատար կանգնել իր ժողովրդին, պահել ու պահպանել «Հույսի ու լույսի հայրենիքի» գաղափարը:

HOVH.TUMANYAN'S MEETINGS WITH RUSSIAN MILITARY LEADERS (November–December, 1914)

SUSANNA HOVHANNISYAN

S u m m a r y

During the first eight months of World War I Hovh. Tumanyan twice travelled in Western Armenia, visited Bayazet, Alashkert regions, Artsap, Basen, Dadin, Zetkan, Gharaqilisa, Taghlichay, Van, Mosun, Sarighamish and elsewhere in order to determine the attitude of the Russian military commanders towards the Armenian volunteer groups and Armenian population. As a result of the meetings with the Russian generals P. Oganovski, V. Lyakhov, M. Dryagin (Bayadin), Ye. Trambitski, F. Podgurov, during this trip from November 15 – December 13 the poet witnessed numerous cases of unfair behavior of the Russian military elite. He got acquainted with Colonel Tuskan of Volga, Tver forces and his assistant Tsuguluev recording robbing of the Russian forces, Solonenko's punitive actions against the Armenians. He recorded many facts of general D. Abatsiev's anti-Armenian attitude, cooperation with Kurdish pashas and all the Kurds, facts of disarming the Armenian people and arming Kurdish people. At the same time he witnessed positive attitude of general Oganovski towards the Armenians.

Tumanyan was disappointed, recognized all the sinners of the Armenian grief, he was convinced that all civilized states are guided solely by their own interests. The Russian-oriented poet overcame the confusion with the help of optimism typical of bright souls, continued to fulfill his historical mission: supporting people by maintaining the concept of “The Homeland of the Hope and Light”.